

УДК / UDC 398.224

Ойратский эпос «Ергиль-Тюргюль»: сюжет, композиция, персонажи

Кема Игоревна Музганова¹, Бата Байиндала²

The Oirat Epic “Ergil-Turgul”: Plot, Composition, Characters

Kema I. Muzganova¹, Bata Bayindala²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

стажер

0009-0000-2845-6016. E-mail: kemamuz[at]mail.ru

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, A. S. Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Intern

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант

0000-0002-2858-2618. E-mail: bayandalai922[at]icloud.com

² Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, A. S. Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Intern

Аннотация. *Введение.* Эпические произведения ойратов России, Монголии и Китая являются уникальным достоянием мировой художественной словесности. Среди ойратских эпических сказаний отдельную группу текстов составляют стадильно более ранние архаические тексты, в сюжете, композиции и характере действующих персонажей которых сохранились реликтовые черты архаических религиозных представлений. *Цель* данной работы — анализ сюжета, композиции и образа главного героя одного из образцов архаического эпоса под названием «Ергиль-Тюргюль», который исследован недостаточно. *Методы.* Сравнительно-сопоставительное ис-

следование сюжета и композиции эпоса с другими разностадиальными образцами позволяет выявить особенности его сюжета и композиции, а также характерные черты, присущие герою архаического сказания. *Результаты.* Эпический текст «Ергиль-Тюргюль» представляет собой образец архаического эпоса с простой и логичной композицией. Однако за этой кажущейся легкостью художественной конструкции прослеживается глубокая семантическая связь с архаической эпической традицией, которая базируется на мифологическом мировоззрении и древних религиозных практиках жертвоприношения. Сюжет эпического текста не отягощен многоходовыми эпизодами, но содержание насыщено элементами древних верований. Главным героем таких сказаний является эпический богатырь, который имеет непосредственную связь с небесными покровителями и по своей природе обладает чудодейственными способностями. Он сражается с хтоническими существами, защищая свои кочевья и подданных. В стадиально более поздних эпических текстах классической формы, герой опирается в своих деяниях на близких ему сподвижников. В его образе сохраняются реликтовые черты богатыря архаических сказаний. Он также обладает чудодейственным лекарством, умением вызывать непогоду (*зуд*), обращаться в захудалого мальчика и др. Такая связь между архаическими и позднестадиальными эпическими текстами является свидетельством временной глубины эпической традиции ойратов.

Ключевые слова: архаический эпос, «Ергиль-Тюргюль», сюжет, композиция, эпический герой, элементы древних верований

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (№ 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования: Музганова К. И., Байиндала Б. Ойратский эпос «Ергиль-Тюргюль»: сюжет, композиция, персонажи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 2. С. 8–17. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-2-34-8-17

Abstract. Introduction. Epic works are a unique heritage of artistic literature of the Oirats of Russia, Mongolia and China. Among the Oirat epic tales, a separate group of texts consists of archaic texts, in the plot, composition and nature of the characters of which relict features of archaic religious ideas have been preserved. The *purpose* of this work is to analyze the plot, composition and image of the main character of one of the examples of the archaic epic called “Ergil-Turgul”, which has been sufficiently studied. *Methods.* A comparative study of the plot and composition of the epic with other examples of different stages allows us to identify the features of its plot and composition, as well as the characteristic features inherent in the hero of the archaic tale. *Results.* The epic text “Ergil-Turgul” is an example of an archaic epic with a simple and logical composition. However, behind this apparent ease of artistic construction, one can be traced a deep semantic connection with the archaic epic tradition, which is based on the mythological worldview and ancient religious practices of sacrifice. The plot of the epic text is not burdened with multi-move episodes, but the content is saturated with elements of ancient beliefs. The main hero of such tales is an epic hero who has a direct connection with heavenly patrons and by nature has miraculous powers. He fights with chthonic creatures, protecting his nomadic camps and subjects. In the epic texts of the classical form that are later in stage, the hero relies in his deeds on his close companions. His image also retains relict features of the hero of archaic tales. He

also has a miraculous medicine, the ability to cause bad weather (itching), turn into a wretched boy, etc. Such a connection between the archaic and late stage epic texts is the evidence of the temporal depth of the Oirats' epic tradition.

Keywords: Archaic epic, "Ergil-Turgul", plot, composition, epic hero, elements of ancient beliefs

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03026 "The Epic Landscape of the Oirats of Russia, Mongolia, and China (from Archaic Epic to Book Text)" Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>.

For citation: Muzganova K. I., Bayindala B. The Oirat Epic "Ergil-Turgul" (plot, composition, characters). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 2. Pp. 8–17. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-2-34-8-17

1. Введение

Разностадийные произведения героического эпоса являются уникальным достоянием устной художественной словесности ойратов. Б. Я. Владимирцовым был записан и введен в научный оборот ряд героических сказаний ойратов Северо-Западной Монголии: «Бум-Эрдени», «Дайни-Кюрюль», «Кигийн-Кийтун-Кекэ-Тэмюр-Зеве», «Эгиль-Мерген», «Ергиль-Тюргюль», «Шара-Бодон» [Владимирцов 1926]. В предисловии к своей книге с русскими переводами ойратских эпических произведений он писал, что «нигде в Монголии эпос не достигает такой завершенности, такого развития, как среди ойратских племен Северо-Западной Монголии» [Владимирцов 1923: 22]. Он отмечал, что героический эпос ойратов прошел разные стадии своего развития, прежде чем оформился в литературные произведения в виде «стройных поэм, как бы составленных по плану какой-то поэтики» [Владимирцов 1923: 35]. Ученый указывал на то, что ойратские героические эпопеи по своей поэтике, форме, сюжету, эпическому языку, характеру главного героя и действующих лиц являются глубоко национальными произведениями [Владимирцов 1923: 27].

Ойратские эпические сказания исследователи делят на три группы, одну из которых составляют тексты архаического эпоса [Владимирцов 1923: 41–43; Неклюдов 1984: 83]. Главным героем таких эпических произведений является богатырь, который сражается с демоническими чудовищами, защищая свои кочевья и подданных. Герой таких сказаний своим происхождением непосредственно связан с божествами (тенгриями) и по своей природе обладает чудодейственными способностями. В более поздних эпических текстах герой опирается в своих деяниях на близких ему богатырей-сподвижников. Однако и в его образе продолжают сохраняться реликтовые черты богатыря архаических сказаний. Он также может превращать себя в захудалого мальчугана, своего богатырского коня — в паршивого жеребенка, он обладает чудодейственным белым лекарством (*уйн цаһан эм*) и камнем (*зад*), с помощью которого вызывают непогоду [Кичиков 1994: 37–38, 57–60].

Среди образцов архаических сказаний, которые были зафиксированы Б. Я. Владимирцовым у сказителей Западной Монголии, следует вы-

делить эпический текст «Ергиль-Тюргюль», который представляет один из образцов архаического эпоса. Его сюжет не отягощен многоходовыми эпизодами, композиция проста и логична, а сам текст насыщен элементами древних верований. Следует отметить, что эпос «Ергиль-Тюргюль» исследован недостаточно. Б. Я. Владимирцов, выбрав для публикации этот эпический текст, ничего не сообщает о его особенностях.

2. Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужил зафиксированный при помощи русской графической системы ойратский текст «Ергиль-Тюргюль» [Владимирцов 1926: 109–133] и его русский перевод [Владимирцов 1923: 217–231]. Текст этого сказания, как и текст эпоса «Кигийн-Кийтун-Кекэ-Тэмюр-Зеве», был продиктован Б. Я. Владимирцову знаменитым баитским сказителем Парченом [Владимирцов 1926: VII].

Б. Я. Владимирцов в третий раздел своей книги «Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия)», помимо двух эпоев из репертуара Парчена, включил тексты героических сказаний «Эгиль Мерген» и «Хан Чингил», записанные у дербетских сказителей. Один из них был простым аратом и почитался как профессиональный рапсод, второй — буддийским послушником, хорошо знавшим произведения устного творчества ойратов [Владимирцов 1926: VII].

Для сравнительно-типологического анализа сюжета и композиции эпоса «Ергиль-Тюргюль» привлекались тексты других сказаний. Согласно классификации ойратских эпических произведений по их содержанию, сюжету и действующим лицам на три группы, исследуемый текст относится к произведениям, в которых важную роль играют небесные силы. Герой сказания богатырь Ергиль-Тюргюль имеет божественное происхождение и действует по их подсказке.

При рассмотрении сюжета, композиции и содержания текста эпоса «Ергиль-Тюргюль» мы опирались на исследования Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского, Г. И. Михайлова, А. Ш. Кичикова, С. Ю. Неклюдова и др. [Владимирцов 1923; Козин 1948; Жирмунский 1974; Мелетинский 2004; Михайлов 1971; Кичиков 1994; Неклюдов 2019].

Исходя из положений, выработанных в трудах известных исследователей героического эпоса, анализ сюжета, композиции и содержания древних эпических текстов, в котором сама форма произведения, структура, язык и действующие персонажи подчинены требованиям «неписаной», по выражению Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 2003: 345], поэтики, требует широкого комплексного подхода.

3. Сюжет архаического эпоса

Героический эпос ойратов представлен текстами разного уровня: от простых по содержанию и сюжету повествований до объемных по своему содержанию и многоходовым сюжетом эпических сказаний. Однако как

первые, так и вторые произведения имеют в своем содержании такие особенные черты, которые характеризуют их как героический эпос. Каждое героическое сказание ойратов, по мнению Б. Я. Владимирцова, «оказывается строго определенным поэтическим произведением, в котором сюжет развивается гармонично» и все его части построены соответственно общему плану героического повествования [Владимирцов 1923: 28].

Рассматриваемый нами текст эпоса «Ергиль-Тюргюль», как уже было отмечено, относится к произведениям ранней архаической стадии эпического творчества и тяготеет к типовой композиционной структуре, которая, по мнению исследователей, состоит из двенадцати конструктивных элементов [Кичиков 1999: 11]. Поэтому его содержание не настолько усложнено, как в эпических произведениях поздней формации, но вместе с тем оно имеет те самые особенности, которые определяют его как героический эпос. Сюжет эпоса «Ергиль-Тюргюль» складывается из цепи последовательных событий, логично связанных друг с другом.

1) пролог эпического текста (1–105 стк.):

– описание страны героя (Алтай, Хангай);

2) лучший из мужей трехлетний Ергиль-Тюргюль (105–175 стк.):

– описание физической мощи героя;

3. обретение богатырского коня, доспехов и оружия (175–445 стк.):

– обретение снаряжения для богатырского коня;

– седлание богатырского коня;

– обретение богатырских доспехов и оружия;

4. охота героя (445–785 стк.):

– вещий сон героя во время охоты и возвращение домой;

– подданные угнаны в плен антагонистом Хадайн-Хара-Кюрюмю;

5. отправление героя в путь (785–970 стк.):

– три седобородых старца предупреждают его об опасности;

– потеря героем богатырского коня, собаки и беркута;

6. побратимство с тремя братьями-охотниками (970–1310 стк.):

– пленение и побратимство с тремя братьями-охотниками;

– весть о богатырском коне, спустившемся с неба;

– герой узнает о красавице Набчи-Го;

7. поединок с Хадайн-Хара-Кюрюмю (1310–1575 стк.):

– герой отправляется во владения Хадайн-Хара-Кюрюмю;

– битва и победа Ергиль-Тюргюля над соперником;

8. эпилог (1575–1725 стк.):

– герой вместе с суженой и подданными возвращается домой;

– по пути он забирает с собой трех побратимов с их подданными;

– распределив кочевья между подданными, герой устраивает пир

[Владимирцов 1923: 217–231]

Пролог традиционно является обязательной составляющей композиции каждого эпического текста. Он содержит функционально важные для всего повествования сведения о божественном происхождении главного героя, его чудесных способностях и физической мощи, дает возвышен-

ное описание его страны (Алтай), несметного количества четырех видов скота, которыми владеет герой, описание его дворца, богатырского коня, снаряжения и др. [Олзуу 2019; Манджиева 2021]. В нашем тексте пролог занимает значительную часть повествования (105 стк.).

Герой сказания — трехлетний богатырь Ергиль-Тюргюль — приходится сыном Вечно Синего Неба-отца (*Көк Мөңк Теңгэ аавта*) и Користой Золотой Великой Земли-матери (*Көрстэ Алтн Ик Делкэ ээжтэ*), которую сам герой называет Владычицей черных драконов (*Хар луусын хад ээжтэ*). Как следствие, он наделен чудесными признаками: на макушке у него проявляется гневный Ваджрадара, на лбу — черный Махакала, в руках у него — сила гаруди и барса, в запястьях — сила тридцати трех драконов. Шея богатыря — место проявления двадцати одного воплощения Тары, плечи — бодхисаттвы Авалокитешвары и др. [Владимирцов 1926: 108–109].

Эпическое повествование следует сложившейся традиции, но в то же время выстраивает повествование сообразно собственным особенностям. К примеру, трехлетний богатырь Ергиль-Тюргюль, с одной стороны, олицетворяет «лучшего из мужей», но в то же время он вспыльчив, при достижении поставленной цели действует прямолинейно и необузданно. Об этой черте характера, присущей богатырям ойратских эпических сказаний, упоминает Б. Я. Владимирцов, называя ойратские эпические тексты национальными произведениями [Владимирцов 1923: 44–45].

Подобные свойства характера служат причиной конфликта трехлетнего Ергиль-Тюргюля на пиру, когда, едва достигнув трех лет, он требует у своих подданных коня и доспехи, чтобы отправиться на поиски равных ему соперников. Герой не следует предупреждениям, которые дает ему дух-хранитель его матери, трижды представший перед ним в образе белобородого старца. Как следствие, он лишается своего богатырского коня, охотничьего беркута и собаки.

С другой стороны, акцент на определенный аспект поведения героя дает возможность развития сюжета дополнительными событиями, наполнить его интересными, но далеко не эпическими деяниями героя. Так, он пытается соблазнить жен трех братьев-охотников и оказывается изгнанным с помощью обычной кочерги. Этот прием придает повествованию, с одной стороны, комическую достоверность, с другой — возможность включения в повествование тему пленения героем трех братьев и побратимства с ними. На пиру в честь побратимства герой получает весть о появлении в табуне братьев богатырского коня, спустившегося с небес, и весть о красавице Набчи-Го, томящейся в плену у Хадайн-Хара-Кюрмю, угнавшего в неволю подданных героя.

Для того чтобы сохранить традиционный эпический мотив обретения предназначенного герою богатырского коня, в повествование включается эпизод безуспешных поисков героем своего богатырского коня, охотничьей собаки и беркута на месте их потери при возвращении в родные кочевья после одержанной над соперником победы. Однако вернувшись

в родную страну вместе с красавицей-женой, он обнаруживает живыми своего богатырского коня, охотничью собаку и беркута.

Таким образом, архаический эпос «Ергиль-Тюргюль» представляет увлекательное по своему содержанию произведение, сюжет которого подчинен как традиционным событиям (охота героя, угон в плен подданных героя, поездка за невестой), так и действиям, вызванным необузданным характером героя эпического повествования (неследование предупреждениям, поступившим от белобородого старца).

4. Текст, композиция, образы

Текст эпоса «Ергиль-Тургюль» представляет собой поэтическое произведение, состоящее из 1 724 строк [Владимирцов 1926: 106–133]. Однако при более тщательном выделении размеров строк, следуя традиционным для монгольского стихосложения анафоре, аллитерации, конечной рифме, повтору, подхвату и др., количество строк увеличивается до 2 060 (по нашим расчетам). Сам Б. Я. Владимирцов отмечал, что в ойратских эпических текстах «рифмуются обычно поначалу два стиха, образуя одно целое, строфу» и что они являются «строго определенным поэтическим произведением, составленным в двестишних строфах, размеры которых бывают различны в зависимости от различных условий» [Владимирцов 1923: 23, 39].

Приведем для сравнения начальные строки вступительной части произведения, как они могут быть разбиты на строки согласно звуковой, лексической, морфемной или синтаксической анафоре:

<p>ертё ўрдõ өңгөрөксн төб саихн галбин сүл, өдөгõ иркё тубшн саихн мөңкн галбин екн</p> <p style="text-align: right;">забсртā,</p> <p>еңке амр бум олн настā, төгүс делгр түмн арwн бујнтā, тубшн ікі қирғалтā,⁵ бајін өргн бāтр даічїтā, батұ төв төбшн негён сайн цагтā, нарнī кōл шинё токтōцї, наімн түмн дөрwn миңђн номін цогцігі шинё</p> <p style="text-align: right;">номнōцї,</p> <p>наімн түмн насїгі шинё эکیلци баихн негё сайн</p> <p style="text-align: right;">цагтā,¹⁰</p> <p>токтōксн төрө, шақін хојір гилā үй.</p>	<p>Эрт урд өңгрсн Төв сәэхн халвин сүүл, Өдгэ, ирх төвшүн сәэхн Мөңк халвин экин завсрт, Эңк амр бум олн наста.⁵ Төгс делгр түмн әрүн буйнта, Төвшин ик жирһлтэ, Байн өргн баатр дээчтэ, Бат төв төвшин нег сән цагт, Нарни көл шин тогтж.,¹⁰ Неэмн түмн дөрвн миңһн Номин цогциг шин номнж, Неэмн түмн насиг шин эклж бәәх Нег сән цагт,¹⁵ Тогтсн төр, шажн хойр гилә йи¹.</p>
---	---

[Разбивка на строки наша.]

[Владимирцов 1926: 106]

[Разбивка на строки наша. —
К. М., Б. Б.]

¹ Для удобства работы над текстом здесь и далее приводятся примеры из анализируемого эпоса в соответствии с правилами калмыцкой орфографии.

Стихосложение ойратского эпического текста — большая и отдельная научная проблема, требующая глубокого и тщательного теоретического исследования с привлечением огромного и разнообразного поэтического материала. Поэтому мы ограничимся лишь констатацией того факта, что текст эпоса «Ергиль-Тюргюль» при тщательной работе с ним можно разбить на более чем 2 060 строк.

Традиционно эпическая история трехлетнего героя начинается с момента его рождения и находит продолжение в его приключениях, которые происходят с ним во время его походов по разным странам в целях освобождения своих подданных, угнанных в рабство, и обретения предназначенной ему красавицы-суженой. При этом стандартная композиция архаического эпоса может развиваться до больших объемов вследствие дополнительных сюжетных линий. Одним из ярких образцов такого объемного эпического произведения является архаический эпос под названием «Лучший из мужей трехлетний Мекеле» [Потанин 1883: 429–486].

В пространстве эпического текста, помимо самого героя, действующими лицами выступают разные лица. В общей сложности в тексте десять персонажей. Со стороны богатыря активным действующим персонажем является сановник Барс-Хара, который напоминает юному богатырю о том, что крепкие кости его «не окостились еще», а красная кровь его «еще не загустела» [Владимирцов 1923: 218–219]. Тем не менее по настоянию героя он выдает ему из сундуков доспехи, вооружение, седло, узду и указывает предназначенного ему богатырского коня Хара-Таша, величиной с Хангай, которого очень скоро юный богатырь умудряется потерять.

Некоторые действующие лица этого сказания, например, суженая богатыря красавица Набчи-Го лишь обозначена в тексте как персонаж. Образ табунщика-богатыря Аля-Шара в тексте служит лишь для сообщения радостной вести о том, что в их табун под покровом ночи спустился с неба богатырский конь, величиной с гору. Ергиль-Тюргюль, потерявший по беспечности собственного богатырского коня, выражает по этому поводу неимоверную радость: *«Что за приятное, радостное слово говоришь ты, Аля-Шара-богатырь! Что за приятное из приятных слов говоришь ты, Аля-Шара-богатырь!»* [Владимирцов 1923: 228]. Интересно, что в эпических текстах табунщиком традиционно выступает Ак-Сакал. Вопрос о тождественности образа богатыря Аля-Шара образу Ак-Сакала требует отдельного исследования.

Среди немногих женских образов следует указать на трех жен трех братьев-охотников. Они активно противостоят прямолинейному напору юного богатыря, грозят ему приходом своих мужей, которые вот-вот должны вернуться с охоты. Тем самым они выдают герою время и место их возвращения. Воспользовавшись этим, трехлетний богатырь пленит трех братьев-охотников. Наиболее активен старший брат Харалда-Мерген, который сообщает герою о красоте и достоинствах красавицы Набчи-Го и сопровождает его в походе против врага.

Антагонистом юного богатыря выступает богатырь Хадайн-Хара-Кюрмю, «рожденный повелителем северо-западной стороны» [Владимирцов

2003: 508]. Он в семь раз больше богатыря Ергиль-Тюргюля, а его конь Хайсан в три раза больше его коня Хара-Таша. А. Д. Цендина предположила, что этот образ Хадайн-Хара-Кюрмю может быть связан с персонажем калмыцких сказок Хара-Кюрм. Если первый назван 'хадом', т. е. духом земли (Хадайн-Хара-Кюрм), то персонаж калмыцкой сказки обозначен как 'һазрин', т. е. земляным духом земли (һазрин Хара-Кюрм) [Владимирцов 2003: 508]. Согласно мифологическим представлениям монгольских народов, верхний, средний и нижний миры были населены разными хтоническими существами, которые не были похожими на людей [Бертагаев 1974:410–417].

Отдельно в ряду персонажей следует выделить образ старца, который является духом-хранителем матери героя. Он предостерегает его от необдуманных действий. Он трижды предстает перед героем, трижды напоминает ему о том, что богатырь «заблудился в скверне» (*муудан эргсн*) и «погряз в шалости» (*аля муудан андрсн*) [Владимирцов 1926: 118]. Образ этого белобородого седого старца (*цаснас цаһан сахлта цал буурл өвгн*) невольно ассоциируется с образом Белого старца, почитаемого монгольскими народами с древнейших времен [Сутра Белого Старца 2023: 60].

Таким образом, эпический текст «Ергиль-Тюргюль», в содержании которого действуют разные персонажи, так или иначе связанные с главным героем повествования, в ходе своего длительного существования обрел основную канву своего повествования, которая могла наращиваться в объеме и обогащаться в содержании благодаря сказительскому мастерству, не теряя присущую только ей особую поэтику и художественную выразительность.

6. Заключение

Эпические произведения являются достоянием народного творчества ойратов. Главным героем в них является богатырь, который сражается с врагами, защищая свою страну и подданных. В более ранних архаических текстах главный герой имеет связь с божествами по своему происхождению и обладает не только физической мощью, но и чудесными способностями.

Среди известных образцов архаических сказаний, которые были записаны в Западной Монголии, следует указать на эпос «Ергиль-Тюргюль». Он представляет произведение с увлекательным содержанием, в котором действуют разные персонажи, связанные с его главным героем. В ходе своего длительного существования эпос обрел основную канву повествования, которая могла варьироваться исходя из мастерства сказителя, не теряя при этом присущую только ей художественную выразительность.

Литература

Бертагаев 1974 — Бертагаев Т. А. Космогонические представления в мифологии монгольских племен // Историко-филологические исследования: сборник статей памяти Н. И. Конрада. М.: Наука, Вост. лит., 1974. С. 406–418.

- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л.: Ин-т живых восточных языков, 1926. 202 с.
- Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова. М.; Пб.: Гос. изд-во, 1923. 255 с.
- Владимирцов 2003 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- Кичиков 1994 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Наука, Вост. лит., 1994. 320 с.
- Кичиков 1999 — *Кичиков А. Ш.* Джангар. Малодербетовская версия — сводный текст, перевод, вступ. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 272 с.
- Козин 1948 — *Козин С. А.* Эпос монгольских народов. М.; Л.: АН СССР, 1948. 247 с.
- Манджиева 2021 — *Манджиева Б. Б.* Пролог эпического репертуара джангарчи Давы Шавалиева // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 134–146. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-134-146
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 466 с.
- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 235 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Вост. лит., 1984. 309 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Олзхуу 2019 — *Олзхуу Отгонбаатар.* Роль зачина и концовки в композиции монгольского героического эпоса «Джангар» // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 200–206.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1025 с.
- Сутра Белого Старца 2023 — «Сутра Белого Старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле. М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2023. 335 с.